

Глава 1

Дьюк Рассел невиновен в чудовищных преступлениях, за которые был осужден. Тем не менее за них ему вынесли смертный приговор, и он будет приведен в исполнение через час и сорок четыре минуты. Как всегда в такие ужасные ночи, кажется, будто стрелки часов движутся все быстрее по мере того, как приближается назначенное для казни время. Я дважды прошел через такой обратный отсчет в других штатах. В одном из этих случаев он был доведен до конца, а мой подзащитный произнес свое последнее слово и умер. В другом — отсчет был чудом остановлен.

На сей раз он не будет доведен до конца, во всяком случае этой ночью. Возможно, когда-нибудь представители властей штата Алабама и прикажут подать Дьюку его последний завтрак, обед или ужин, после чего ему в вену вонзится игла с ядом, но сегодня ночью этого точно не случится. Дьюк ожидает приведения смертного приговора в исполнение всего девять лет. Средний показатель в этом штате — пятнадцать. Но и двадцать не считается необычно длинным сроком. По делу Дьюка Рассела в Одиннадцатом округе штата Атланта подана апелляция, и, когда через час она ляжет на стол судебного чиновника, к которому должна попасть, казнь будет отложена. Дьюка снова вернут в камеру, где его ждут ужасы одиночного заключения, и он продолжит жить — чтобы умереть в какой-нибудь другой день.

Дьюк Рассел является моим клиентом уже четыре года. Команда его защиты включает в себя гигантскую юридическую фирму из Чикаго, которая отработала на него тысячи часов бесплатно, и выступающую против смертной казни небольшую группу активистов из Бирмингема — она одновременно берется за слишком много дел, и потому ее участники буквально разрываются на части. Четыре года назад, придя к выводу, что Дьюк Рассел невиновен, я как адвокат взял на себя роль координатора действий по защите его интересов. Сейчас я веду пять дел, и все они, по моему мнению, связаны с судебными ошибками.

Я своими глазами видел, как одного из моих подзащитных казнили, однако по-прежнему считаю, что он был невиновен. Просто мне не удалось это вовремя доказать. Думаю, одного достаточно.

В третий раз за сегодняшний день я вхожу в то крыло тюрьмы, где находится камера смертников штата Алабама, и останавливаюсь перед рамкой металлодетектора, установленного у входной двери, перед которой стоят двое хмурых охранников. В руках у одного из них планшет, куда заносятся фамилии посетителей. Секьюрити разглядывает меня с таким видом, словно забыл, как меня зовут, хотя в последний раз я приходил сюда два часа назад.

— Пост, Каллен Пост, — говорю я, обращаясь к этому тупице. — Я к Дьюку Расселу.

Охранник изучает планшет так внимательно, будто там действительно можно обнаружить некую важную информацию, находит нужную строчку и кивает в сторону пластиковой корзинки, стоящей на подвижной ленте, какие часто используют в магазинах. Я, как и во время своего предыдущего посещения, кладу в корзинку свой чемоданчик и сотовый телефон.

— Часы и ремень тоже? — спрашиваю с едва заметной издевкой.

— Нет, — бурчит секьюрити, сделав над собой усилие.

Я шагаю сквозь рамку металлодетектора и успешно прохожу проверку. Вот так, адвокату, пытающемуся доказать невиновность заключенного, в данном случае мне, еще раз удастся без оружия, соблюдая все правила, пробраться в помещение, где содержатся заключенные, приговоренные к смерти. Забрав из корзины свой чемоданчик и сотовый телефон, я иду следом за вторым охранником по пустому, чисто вымытому коридору к решетке, которая высится от пола до потолка. Охранник кивает мне, шелкает замком, решетчатая дверь сдвигается в сторону, и мы продолжаем свой путь по коридору, ведущему в глубь убогого здания. Свернув за угол, оказываемся перед сплошной, без окошка, стальной дверью. Здесь уже стоят несколько мужчин. Четверо из них в полицейской форме, двое — в обычных гражданских костюмах. Один из последних — начальник тюрьмы.

Он мрачно смотрит на меня и делает шаг в мою сторону.

— У вас найдется минутка? — интересуется он.

— Времени у меня совсем мало, — отвечаю я.

Мы отходим в сторону, чтобы побеседовать с глазу на глаз. Начальник тюрьмы — неплохой человек, он просто выполняет свою работу. Однако она для него пока новая, и ему никогда не приходилось руководить процедурой исполнения смертного приговора. Но, так или иначе, в данной ситуации он враг, мой и моего подзащитного, и, чего бы он от меня ни хотел, этого не получит.

Мы приближаемся друг к другу вплотную, словно приятели.

— Ну, и что дальше? — шепотом произносит начальник тюрьмы.

Я оглядываюсь вокруг, будто хочу получше оценить обстановку, и отвечаю:

— Ну, не знаю. По-моему, все свидетельствует о том, что состоится казнь.

— Да ладно вам, Пост. Наши юристы утверждают, что на сей раз все получится.

— Ваши юристы — идиоты. Мы уже об этом говорили.

— Ну же, Пост! Каковы сейчас шансы?

— Пятьдесят на пятьдесят. — Я прекрасно понимаю, что это ложь.

Мои слова озадачивают начальника тюрьмы, и он явно не знает, что сказать.

— Я бы хотел повидать своего клиента, — продолжаю я.

— Да, конечно, — довольно громко отвечает он, напуская на себя разочарованный вид. Нельзя, чтобы остальные видели, что начальник тюрьмы со мной в той или иной форме сотрудничает, поэтому, резко отпрянув от меня, он отходит в сторону, будто чем-то рассержен. Охранники расступаются, и один из них открывает стальную дверь.

В камере для приговоренных Дьюк Рассел лежит на кровати, закрыв глаза. В праздничные дни тюремные правила позволяют ему держать в камере маленький цветной телевизор и смотреть по нему все, что захочет. Сейчас телевизор работает, но звук выключен. На экране по кабельному каналу показывают новости о лесных пожарах в западной части страны. То, что идет отсчет времени, оставшегося до казни Дьюка, в общенациональном масштабе не слишком заметное событие.

В каждом штате, где существует смертная казнь, имеются свои нелепые ритуалы, предусмотренные на период между назначением времени исполнения при-

говора и самой процедурой. Все они рассчитаны на то, чтобы сделать этот промежуток времени максимально драматичным. Здесь, в штате Алабама, например, власти позволяют приговоренному принимать близких родственников. Встречи с ними происходят в просторном специальном помещении и без какого-либо ограничения в степени контакта. В 10 часов вечера заключенного переводят в камеру смертников, которая расположена рядом с помещением для исполнения приговора, где осужденного должны убить. Вместе с ним там могут находиться священник и адвокат, но только они, и никто больше. Еду, предназначенную для последнего приема пищи, приносят примерно в 10.30. Заключенный может заказать все, что угодно, за исключением алкоголя.

— Ну, как вы? — спрашиваю я Дьюка, когда он садится на кровати и улыбается.

— Никогда не чувствовал себя лучше. Есть какие-нибудь новости?

— Пока нет, однако я не теряю оптимизма. Думаю, вскоре мы услышим что-нибудь интересное.

Дьюк — белый мужчина, ему тридцать восемь лет. До ареста по подозрению в изнасиловании и убийстве в его криминальном досье имелось лишь два эпизода, когда он попался на вождении в нетрезвом состоянии, да целая пачка штрафов за превышение скорости. Никаких насильственных преступлений. По молодости Дьюк Рассел был любителем вечеринок и буяном, но, проведя девять лет в одиночной камере, стал намного спокойнее. Моя работа заключается в том, чтобы добиться его освобождения, однако на данный момент эта цель кажется мечтой сумасшедшего.

Взяв пульт от телевизора, я переключаю каналы, пока не нахожу тот, по которому передают бирмингемские новости, но звук по-прежнему тихий.

— У вас вид уверенного в себе человека, — замечает Дьюк.

— Я могу себе это позволить. Не мне собираются воткнуть в вену иголку с ядом.

— Забавный вы человек, Пост.

— Расслабьтесь, Дьюк.

— Расслабиться? — немного удивленно переспрашивает меня он и, встав, снова улыбается. Вид у него действительно спокойный, учитывая ситуацию. — Вы помните Лаки Скелтона? — с легким смешком интересуется он.

— Нет.

— Через пять лет они все-таки добрались до него, но до этого им пришлось три раза приносить ему еду для последнего приема пищи. Перед тем как Лаки Скелтона отправили на тот свет, он три раза, можно сказать, всходил на эшафот. И всякий раз заказывал пиццу с колбасой и вишневую кока-колу.

— А что заказали вы?

— Стейк и жареный картофель с шестью банками пива.

— На пиво я бы на вашем месте не рассчитывал.

— Вы вытащите меня отсюда, Пост?

— Не сегодня, но я работаю над этим.

— Если я выйду на свободу, то отправлюсь напрямую в бар и буду пить холодное пиво до полной отключки.

— Я пойду с вами. А вот и губернатор.

На экране появляется губернатор Алабамы, и я прибавляю звук.

Глава исполнительной власти штата стоит перед целым пучком микрофонов и под прицелом объективов многочисленных камер. Темный костюм, пестрый, по моде, галстук, белая рубашка, аккуратно причесанные и идеально уложенные с гелем волосы. Прямо-таки че-

ловек из предвыборного рекламного ролика. С сумрачным видом, давая понять, что ему приходится решать много сложных проблем, губернатор произносит:

— Я еще раз внимательно изучил дело мистера Рассела и подробно обсудил его с теми, кто проводил следствие. Кроме того, встретился с семьей Эмили Брун, жертвы преступлений мистера Рассела. Ее родственники выступают резко против помилования. Проанализировав все аспекты данного дела, я принял решение оставить приговор в силе. Решение суда не меняется. Такова воля народа. В помиловании мистеру Расселу отказано.

Произнеся эту короткую речь с драматическими интонациями и максимально возможной для него артистичностью, губернатор кивает и делает несколько шагов назад от микрофонов и объективов фото- и телекамер. Представление, устроенное им, окончено. Затем Элвис покидает здание, где было сделано заявление. Три дня назад он нашел время, чтобы встретиться со мной, и уделил мне пятнадцать минут, после чего обсудил подробности нашего «приватного» разговора с наиболее приближенными к нему репортерами.

Если бы он действительно еще раз внимательно изучил дело Дьюка Рассела, то понял бы, что осужденный не имеет никакого отношения к изнасилованию и убийству Эмили Брун, совершенным одиннадцать лет назад. Я снова нажимаю кнопку на пульте, убирающую звук, и усмехаюсь:

— Ну, здесь без сюрпризов.

— А было такое, чтобы он вообще когда-нибудь кого-либо помиловал? — спрашивает Дьюк.

— Разумеется, нет.

Раздается громкий стук, и дверь камеры распаивается. Входят двое охранников, один из них толкает перед собой тележку с едой для последней трапезы осужден-

ного. Оставив тележку, тюремщики удаляются. Взглянув на стейк, жареный картофель и довольно тонкий кусок шоколадного торта, Дьюк вздыхает:

— Пива нет.

— Наслаждайтесь холодным чаем.

Присев на кровать, Дьюк Рассел принимается за еду. Пахнет она восхитительно, и я вдруг вспоминаю, что не ел уже по меньшей мере двадцать четыре часа.

— Картофель хотите? — спрашивает Дьюк.

— Нет, спасибо.

— Я не могу съесть это все. У меня почему-то нет аппетита.

— Как ваша матушка?

Осужденный запихивает в рот большой кусок стейка и медленно жует.

— Вообще-то не очень, что, как вы понимаете, неудивительно. Она постоянно плакала. Все это было ужасно.

У меня в кармане начинает вибрировать сотовый телефон. Я достаю его, смотрю на экран, чтобы понять, кто звонит, и говорю:

— Ну, наконец-то.

Затем я улыбаюсь Дьюку и здороваюсь со звонящим. Это тот самый сотрудник суда из Одиннадцатого округа штата Алабама, человек, которого я хорошо знаю. Он сообщает мне, что его босс только что подписал ордер, откладывающий казнь на том основании, что необходимо дополнительное время, дабы определить, было ли судебное разбирательство по делу Дьюка Рассела справедливым и беспристрастным. Я интересуюсь, когда будет объявлено об отсрочке казни, и получаю ответ, что это будет сделано немедленно.

Я смотрю на своего клиента и произношу:

— Вы получили отсрочку. Так что сегодня никаких уколов. Сколько вам нужно времени, чтобы доесть стейк?

— Пять минут, — с широкой улыбкой отвечает мой подзащитный и отрезает себе очередной кусок мяса.

— Вы можете дать мне десять минут? — спрашиваю я у своего телефонного собеседника. — Мой клиент хотел бы покончить со своей последней трапезой.

Какое-то время мы препираемся и в итоге сходимся на семи минутах. Я благодарю позвонившего, заканчиваю разговор и сразу набираю на клавиатуре телефона другой номер.

— Ешьте побыстрее, — говоря я Дьюку Расселу. У него вдруг появился аппетит, и он громко пыхтит и чавкает, словно свинья у кормушки.

Человек, которому Дьюк обязан своим несправедливым приговором, — прокурор из небольшого городка, его зовут Чэд Фолрайт. Сейчас он находится в здании администрации тюрьмы в полумиле от меня и с нетерпением ждет наступления важного момента в своей карьере. Чэд Фолрайт полагает, что в 11.30 его вместе с членами семьи Брун и местным шерифом сопроводят к тюремному фургону, отвезут в строение, где находится помещение для исполнения приговоров, и отведут в комнатку с большим окном, задернутым занавеской. Вероятно, Чэд думает, что, если он окажется там, ему останется только дожидаться момента, когда Дьюка пристегнут ремнями к носилкам и введут ему в вены иглы, после чего занавеску нарочито медленно, для драматического эффекта, отдернут.

Для прокурора нет большего удовлетворения, чем стать свидетелем того, как казнят преступника, для которого он добился обвинительного приговора и которого отправил в камеру смертников.

Чэду, однако, пока не суждено пережить эти волнующие эмоции. Я быстро набираю его номер, и он снимает трубку практически сразу.

— Это Пост, — произношу я. — Я сейчас в блоке смертников, и у меня кое-какие плохие новости. Одиннадцатый округ распорядился отложить исполнение приговора. Так что, похоже, вам придется ползти обратно в Верону, поджав хвост.

Фолрайт явно потрясен.

— Какого черта? — с трудом выговаривает он.

— Вы слышали меня, Чэд. Ваше дутое обвинение разваливается. Больше вам к Дьюку не подобраться. Хотя, надо признать, на сей раз вы, черт побери, были очень близки к тому, чтобы снять с него скальп. Одиннадцатый округ сомневается, что процесс над Дьюком Расселом можно назвать справедливым судом в обычном, общепринятом понимании этого выражения. Они отправляют дело обратно для повторного рассмотрения. Все кончено, Чэд. Извините, что не дал вам насладиться триумфом.

— Это шутка, Пост?

— Блок смертников — самое подходящее место, чтобы повеселиться. Целый день вы получали удовольствие от бесед с репортерами, а теперь порадитесь тому, что сообщил вам я.

Сказать, что я испытываю отвращение к своему телефонному собеседнику, — это не сказать ничего.

Закончив разговор с ним, я смотрю на Дьюка, который продолжает пировать.

— Вы можете позвонить моей матери? — спрашивает он с набитым ртом.

— Нет. Частные звонки отсюда не совершают даже юристы. Но она скоро обо всем узнает. Так что поторопитесь.

Дьюк запивает остатки мяса и жареного картофеля холодным чаем и принимается за шоколадный торт. Я беру в руки пульт от телевизора и включаю звук. Пока мой подзащитный продолжает подчищать тарел-

ки, на экране появляется запыхавшийся репортер, находящийся где-то на территории тюремного комплекса, и, запинаясь, сообщает телезрителям, что исполнение приговора отложено. Вид у него растерянный и весьма озадаченный. Судя по всему, в растерянности пребывают и все, кто находится около него.

Еще через несколько секунд раздается стук в дверь, и в камеру входит начальник тюрьмы.

— Полагаю, вы уже все слышали? — произносит он, взглянув на включенный телевизор.

— Да, начальник, — киваю я. — Извините за испорченную вечеринку. Дайте своим парням отбой и, пожалуйста, вызовите для меня фургон.

Дьюк вытирает рот рукавом и хохочет:

— Не надо так расстраиваться, начальник!

— Нет, мне даже как-то легче стало, — возражает тот, но совершенно очевидно, что он разочарован. Он ведь тоже провел целый день, общаясь с журналистами и наслаждаясь всеобщим вниманием. И вот пожалуйста — весь этот захватывающий спектакль закончился ничем.

— Все, я поехал, — говорю я, пожимая Дьюку руку.

— Спасибо, Пост, — улыбается он.

— Буду на связи. — Я направляюсь к двери и на ходу бросаю, обращаясь к начальнику тюрьмы: — Пожалуйста, передавайте от меня привет губернатору.

В сопровождении надзирателей я выхожу на улицу, с наслаждением вдыхаю прохладный воздух, который пьянит меня, словно вино, и ликую. Один из надзирателей подводит меня к тюремному фургону без опознавательных знаков, стоящему в нескольких футах от двери здания. Я забираюсь внутрь машины, и охранник захлопывает за мной дверь.

— К главным воротам, — говорю я, обращаясь к водителю.

Пока мы едем по обширной территории исправительного учреждения имени Холмана, на меня наваливаются усталость и голод. И ощущение облегчения. Я закрываю глаза и дышу глубоко и свободно, радуясь чуду, которое заключается в том, что Дьюк останется в живых и увидит завтрашний день. Пока мне удалось спасти ему жизнь. Для того чтобы он вышел на свободу, потребуется еще одно чудо.

По причинам, известным только тем людям, которые устанавливают порядки в этой тюрьме, в течение последних пяти часов на ее территории действовал особый режим, словно тюремные власти опасались, как бы разгневанные заключенные не устроили бунт и не попытались взять штурмом здание, где содержатся смертники, и отбить Дьюка Рассела. Теперь особый режим постепенно снимают, напряженность, если она была, ослабла. Экстренно вызванные для поддержания порядка подкрепления возвращаются обратно. Все, чего я хочу, — это побыстрее убраться отсюда. Моя машина припаркована на стоянке рядом с главными воротами. Я вижу телевизионщиков, они собирают аппаратуру и готовятся отбыть восвояси. Поблагодарив водителя фургона, доставившего меня к выходу, я сажусь в свой небольшой городской внедорожник «Форд» и торопливо выруливаю на шоссе. Проехав две мили, останавливаюсь рядом с закрытым загородным магазином, чтобы сделать телефонный звонок.

Того, кому я звоню, зовут Марк Картер. Это белый мужчина тридцати трех лет. Он снимает квартиру в доходном доме в городке Бейлис, в десяти милях от Вероны. В моем досье есть фотографии его жилья и пикапа, а также подружки, с которой он живет. Одиннадцать лет назад Картер изнасиловал и убил Эмили Брун, и теперь все, что мне надо сделать, — доказать это.

Используя одноразовый мобильный телефон, я звоню Картеру на сотовый, на номер, который, как предполагается, мне неизвестен. Он снимает трубку после пяти гудков.

— Алло!

— Это Марк Картер?

— А кто спрашивает?

— Вы меня не знаете, Картер. Я звоню из тюрьмы. Исполнение приговора в отношении Дьюка Рассела только что отложено. Хочу сообщить, что, к вашему сожалению, дело еще живо. Вы сейчас смотрите телевизор?

— Кто это говорит?

— Уверен, вы смотрите телевизор, Картер. Сидите на своей жирной заднице вместе с вашей жирной подружкой и молитесь, чтобы государство наконец казнило Дьюка за преступление, которое совершили вы. Вы просто подонок, Картер, если с нетерпением ожидаете, чтобы он умер за то, что совершили вы. Ну вы и трус.

— Скажите мне это в лицо!

— Когда-нибудь я это сделаю, Картер. В зале суда. Найду доказательства, и Дьюк вскоре выйдет на свободу. А вы займете его место. Я иду за вами, Картер.

Я заканчиваю разговор прежде, чем собеседник успевает что-либо ответить мне.

Глава 2

Поскольку бензин обходится немного дешевле, чем недорогие мотели, несколько часов подряд я еду по пустынным, погруженным в темноту дорогам. Как всегда, убеждаю себя в том, что отосплюсь позднее, словно в недалеком будущем меня ожидает долгая губерния. Правда же заключается в том, что при моем жизненном